

СТАТИСТИКА И УЧЕТ

Я. В. Соколов

КАКАЯ СТАТИСТИКА НУЖНА ОБЩЕСТВУ?

Видеть разум в *реальности*, а не в «разуме».

Ф. Ницше

Какая статистика нужна обществу? На этот сакраментальный вопрос напрашивается банальный ответ: достоверная и добросовестно составленная. Это требование возникло среди английских бухгалтеров в середине минувшего века и по-английски звучит *true and fair view*. (Эти слова иногда пытаются истолковать по-другому, но приведенный перевод принадлежит О. М. Аскери и большинство коллег считают его наиболее удачным.) И здесь самое время задуматься о том, что значат эти два, казалось бы, столь очевидных слова.

Достоверный и добросовестный взгляд

Согласно словарю С. И. Ожегова (1900–1964), слово «достоверный» означает не *истинный*, как думают многие, а только *надежный*, т. е. достаточный и для оценки и для принятия решений, а слово «добросовестный» трактуется более традиционно: «честно выполняющий свои обязательства, обязанности»¹. Тут возникает вопрос: что значит честно? Слепое следование инструкции, как это обычно понимают обычные люди, или то, как до этого додумались статистики и бухгалтеры? Во всяком случае, следует подчеркнуть, что если вы все сделали по инструкции, вы поступили, конечно, добросовестно, но совсем не очевидно, что результаты вашей работы достоверны.

Теперь важно отметить, почему обществу нужна такая же статистика, как учетная информация, которая требовалась английским бухгалтерам. Во-первых, бухгалтерский

Ярослав Вячеславович СОКОЛОВ – профессор, зав. кафедрой статистики, бухгалтерского учета и аудита СПбГУ, заслуженный деятель науки РФ, член Президентского совета Института профессиональных бухгалтеров России и член Методологического совета Министерства финансов РФ. Член Международной академии историков бухгалтерского учета. Автор более 600 публикаций, в том числе 17 книг (монографий и учебников) по методологии и истории бухгалтерского учета, многие из которых переведены и изданы в США, Англии, КНР, ФРГ, Италии и Болгарии.

учет есть не что иное, как частный случай экономической статистики. Во-вторых, ее достоверность необходима как результат, а добросовестность как условие правильности. В-третьих, такие философские и нравственные категории, как достоверность и добросовестность, могут иметь и имеют самое прямое отношение ко всем проявлениям информации и проблемам энтропии (неопределенности). Последняя предопределяет риск принимаемых решений. А этот риск зависит от соотношения между достоверностью статистической информации и добросовестностью ее составления. Рассмотрим четыре случая, с которыми мы сталкиваемся.

1. Статистические показатели достоверны и составлены добросовестно. Действительно, каждому нормальному человеку кажется, что без добросовестного исчисления статистика не может быть достоверной. И более того, в жизни преобладает широкое заблуждение: люди думают, что если числа подсчитаны правильно, т. е. добросовестно, то тем самым достоверность уже достигнута автоматически. Но это самообман, ибо достоверность и добросовестность – категории далеко не идентичные.

2. Статистические показатели достоверны, но составлены недобросовестно. Недобросовестность возникает тогда, когда, говоря словами М. Хайдеггера (1889–1976), «одно не есть другое»². Эта кажущаяся парадоксальность на самом деле очень распространена в жизни. Так, допустим, статистик утверждает: продолжительность жизни сократилась с t_0 к t_1 на столько-то. Оба утверждения могут быть достоверными, однако, например, в величине t_0 могла не учитываться детская смертность, а в t_1 – она была учтена. Достоверность есть – добросовестности нет. И это парадокс статистики. Большинство не понимает его. Так, в прессе приводят данные о том, что разница между доходами богатых и бедных различается в 100 раз³. Эти данные могут быть достоверными, но они явно недобросовестны, ибо олигархи на свои доходы содержат предприятия и формируют рабочие места. Естественно, что они и получают доходы, согласно кривой В. Парето (1848–1923), несравненно большие. И не случайно Г. Спенсер (1820–1903), которому вторит наш замечательный статистик М. М. Юзбашев, утверждал, что чем больше дифференциация явлений, тем мощнее процесс совершенствования экономики. В. И. Ленин (1870–1924), напротив, требовал равенства и искренне полагал, что все будут счастливы при коммунизме, т. е. будут ходить в нервной обуви и у всех будет пайка хлеба (мы давно превзошли этот уровень).

3. Статистические показатели недостоверны, но составлены добросовестно⁴. Это часто встречающийся случай, если расчеты выполняются по заданным правилам, по инструкциям, но при этом алгоритмы расчетов не приводят к достоверным результатам. Часто подобные результаты бывают вызваны добросовестным заблуждением, а иногда просто желанием хорошо выполнить заданную работу. В сущности, все делать по инструкции – значит уходить от ответственности. Бухгалтеры это очень хорошо понимают, и поэтому не случайно в Законе «О бухгалтерском учете» (п. 4 ст. 13) прямо сказано, что при составлении отчетности не только можно, но и *необходимо* отойти от требований нормативных документов, если это приведет к большей достоверности представляемых данных. При работе со статистическими показателями это обстоятельство надо всегда принимать во внимание.

4. Статистические показатели недостоверны и составлены недобросовестно. Это очень распространенный случай, порождающий часто несправедливое отношение к статистике и шуточки в духе лорда Биконсфильда (1804–1881): «Есть ложь, есть большая ложь и есть статистика». Иллюстрацией этого случая была эпохальная статья «Лукавая цифра»⁵. Но чаще всего этот случай демонстрирует статистику в функции демагогии, как

правило, самой примитивной и поэтому соблазнительно заразной. Уберечься и сохранить себя от потоков лжи можно только по способу Одиссея, когда он велел привязать себя к мачте, дабы песни сирен не сбили его с правильного пути.

Что делать?

Сталкиваясь с четырьмя приведенными случаями, статистик должен концептуально реконструировать предложенные значения показателей. В первом и четвертом случаях нет энтропии, ибо ясно, что значение верно или не верно. Сомнений нет. Значения имеют промежуточные варианты: или добросовестно составленные показатели дают достоверные результаты, что бывает крайне редко, или статистик сталкивается с добросовестным заблуждением. И это основной случай, заставляющий пользователя оценить степень доказательной базы предложенных чисел. В этом, в сущности, весь смысл статистики, как, может быть, и всей науки вообще. Это ее вызов обыденному сознанию. «Мы, – пишут У. Матурана и Ф. Варела, – стремимся жить в мире уверенности, несомненности, твердокаменных представлений: мы убеждены, что вещи таковы, какими мы их видим, и не существует альтернативы тому, что мы считаем истинным»⁶.

Но всю жизнь быть в уверенности собственных представлений очень трудно: все на свете так относительно и условно так. Здесь были приведены четыре случая, когда информация представляется статистиками. (Важно понимать, что информация составляется не статистическими органами, как обычно думают, а статистиками.) Однако весь смысл статистики не в том, кто ее составляет, и даже не в том, как ее исчисляют, а в том, *как ее воспринимают*. И вся проблема в том, что воспринимающий человек очень часто понимает числа статистики совсем не так, как думал и понимал их создающий статистик. Это самое главное: важно не то, что вкладывает и как представляет свои данные статистик, а то, как они воспринимаются, понимаются и истолковываются пользователем. Он интерпретирует эти данные согласно своему ходу узнавания⁷.

Для человека, делающего сообщение в соответствии с учением К. Поппера (1902–1994), «достоверность редко бывает объективной – обычно это не более чем сильное чувство уверенности, убежденности, хотя и основанное на недостаточном знании»⁸. Все дело в недостаточном знании как делающего сообщение, так и принимающего его. Великий итальянский философ Дж. Джентиле (1875–1944) дал весьма интересное определение: «Достоверность, – писал он, – присутствие Я в истине»⁹. Это можно понимать как искреннюю убежденность того, кто делает сообщение, кто, в частности, приводит статистические данные. Однако помимо «творца» есть «приемник», пользователь, и степень понимания, вернее, степень взаимопонимания и взаимонепонимания информации меняется под влиянием апперцепции пользователей. В зависимости от нее они могут верить или не верить сообщениям. При этом доверие к статистике, к ее если не достоверности, то по крайней мере добросовестности – основа существования людей в обществе. Отсюда так важны правила Э. Мунье (1905–1950), который полагал, что главное – это «умение понимать другого и становиться на его точку зрения» и «быть великодушным, не рассчитывая на взаимность»¹⁰. Апперцепция приводит к смыслообразованиям, часто ошибочным.

Вот два характерных примера: Отелло убежден, и у него есть все основания, в том, что Дездемона любит Кассио. Он принимает решение, но его рассуждения при всей их добросовестности не достоверны. Другой пример. Случилось так, что в подсобных помещениях цирка во время представления начался пожар. Директор послал на арену

клоуна, который объявил «уважаемой публике» о происшедшем и просил срочно покинуть помещение. Все весело смеялись, приняв сказанное за шутку, и все сгорели. А между тем сообщение, с точки зрения директора цирка, было достоверно и добросовестно, но зрители его восприняли как добросовестную шутку, в то время как, на самом деле, оно было достоверно, но недобросовестно.

Из всего сказанного вытекает, что, когда вы видите статистические показатели, то прежде чем ими воспользоваться, задумайтесь, как они составлены. Каждый отдельно взятый показатель так или иначе рассчитан по своей логике и утвержденной методике, и в этом отношении он может быть признан достоверным, т. е. в принципе приемлемым для работы. Но возникают вопросы: во-первых, как он соотносится с целями, которые преследуют те, кто эту работу выполняет; а во-вторых, как этот же показатель соотносится с другими, сопоставимы ли они? Если этой сопоставимости нет, то и добросовестности нет. Это, кстати, относится и к бухгалтерской отчетности. Если основные средства в балансе представлены по восстановительной оценке, а товары по себестоимости, то сопоставимость теряется, и итог баланса оказывается лишенным логической убедительности.

Информативность

Теперь надо посмотреть, как достоверность и добросовестность, формируя статистические данные, соотносятся с требованиями теории информации. Тут возможны четыре случая.

1. Информативность статистического показателя обратно пропорциональна вероятности наступления данного события. Отсюда следует, что чем менее или чем более информативно сообщение о событии, тем оно достовернее. Это обычно рутинные числа, которые в первом случае не требуют экстренных действий, а во втором предполагают незамедлительное принятие решений. Во всех случаях у пользователя при добросовестном отношении к делу риск в принятии решений может быть сведен к минимуму.

2. Неопределенность достоверного и добросовестно составленного показателя измеряется величиной его энтропии. Показатель нужен, но из-за спорности выбранной при его расчете методики или недобросовестности его определения он не может иметь однозначной трактовки и потому предполагает принятие пользователем решений в условиях достаточно высокого риска.

3. Добросовестность в составлении информации сама по себе ничего не несет. Добросовестно могут выполняться самые точные расчеты, достаточно вспомнить гороскопы, но недобросовестно может быть получена очень точная информация. Однако возможно добросовестное получение достоверных данных¹¹, к чему и стремятся добросовестные статистики.

4. Чем выше энтропия статистического показателя, тем добросовестнее, при прочих равных условиях, он составлен. Здесь должен сказываться здоровый научный и практический скептицизм, о котором так хорошо сказал Б. Рассел (1872–1970): «Ни одно из наших убеждений не является совершенно истинным, все они отмечены, по крайней мере, слабым оттенком неопределенности и заблуждения»¹².

Из сказанного вытекают два важных вывода. Первый сделан давно Я. Бернулли (1654–1705): «...не следует оценивать поступки людей по их результатам»¹³, второй связан с тем, что при построении алгоритмов исчисления почти любого показателя следует исходить из идеи его исчерпывающего описания.

На этих выводах стоит остановиться более подробно. Первый предполагает, что нельзя из причин выводить строго определенные, тем более однозначные следствия. Когда «одного перса» спросили: «Почему у вас такие убедительные рассуждения и такие плохие практические результаты?», он ответил, что рассуждения зависят от него и только от него, в то время как результаты обусловлены внешними обстоятельствами. Ответ, конечно, красивый, но неправильный, ибо умный человек в своих рассуждениях, в теориях всегда должен принимать во внимание именно внешние обстоятельства. И в пределе можно представить положение, когда вся теория существует только для одного индивида: «Я не знаю мудрости годной для других». Второй вывод требует, чтобы при работе со статистической информацией был представлен полный набор возможных решений, только в этом случае можно говорить и о достоверности показателя, и о добросовестности его составления. Например, мы рассчитываем агрегатный индекс цен. Прежде всего надо построить две параллельные системы, в одной за основу следует выбрать его трактовку как относительной величины, в другой – как средней. Далее нужно выявить все варианты взвешивания и только потом построить все формулы и выполнить расчеты. (При этом самое сложное – это еще не формулы, а то, чем и как их заполнять¹⁴.) Таким образом, значение исчисляемого показателя (x), в данном случае индекса, окажется в виде $x \pm \Delta$, где Δ – границы неопределенности. Чем выше достоверность, тем $\Delta \rightarrow 0$, чем ниже, тем $\Delta \rightarrow \infty$. На этом должна строиться оценка статистических показателей. В теории границы индексов определены формулами Ласпейреса и Пааше. Из обоих построений можно вывести четкие логически непротиворечивые схемы. Но нельзя пытаться, как это делал И. Фишер (1867–1947), скрещивать (синтезировать) их, так как каждая из формул предопределяет свою логическую последовательность и их смешение явно нарушает подлинное сопоставление получаемых результатов.

Пример из теории индексов – это только частный случай. На самом деле теоретически существует несколько статистических концепций. Например, одна парадигма всю теорию выводит из теории Байеса, другая отвергает ее и строит свои выводы только на апостериорной основе; школа стохастической статистики противостоит традиционным построениям, признающим теорию вероятностей исключительно для выборочных исследований. Одни сводят статистику и группировки к теории множеств, другие считают, что между ними – пропасть. И тут нужно вспомнить глубокую мысль Р. фон Мизеса (1883–1953) о том, что «свойство коллектива и свойства составляющих его индивидов – совсем разные вещи»¹⁵. Здесь возникает особенность бухгалтерии, для которой индивидуальный факт важнее совокупности, ибо именно он «весомо, грубо, зримо» требует первостепенного решения (оплатить счет, оприходовать ценности и т. д.). Но самое главное, о чем следует помнить, – все эти добросовестно составленные данные приводят к достоверным результатам до тех пор, пока последовательно реализуются логические принципы, заложенные в их основе. Как только делаются попытки гибридизации теорий, сразу же нарушается их основополагающая логика, они уже не приносят никаких приемлемых результатов, ибо гибриды не дают потомства. Самый лучший пример – это попытки синтеза трудовой теории стоимости с теорией предельной полезности. Каждая теория сама по себе, безусловно, правильна, логически последовательна и приводит к важным выводам. Но попытки А. Маршалла (1842–1924) и М. И. Туган-Барановского (1865–1919) их объединить дают неприемлемый результат, ибо смешивают логические основы исходных концепций. А для анализа нужно множество логически равноценных аналогичных показателей, а не теории с сомнительными (и даже с несомненными) корнями.

В практической жизни, конечно, нет необходимости постоянно рассчитывать все варианты показателей. Важен не их набор, а возможность, благодаря вычислительной технике, его получения. В зависимости от преследуемых целей тот, кто принимает решения, старается или уйти от ответственности, или уменьшить свой риск. В первом случае содержание проблемы подменяют ее статистическим описанием, скажем, экономические и социальные трудности трактуют как информационные. Наша страна как минимум дважды испытала катастрофические последствия подобных подходов.

Первый случай был связан с возникновением самоуправления – земств. У вновь избранной общественности были интеллигентные родственники, их надо было трудоустроить, и земство признало, что прежде всего надо выяснить, что делается на их территориях. Так возникла земская статистика. Ее материалы до сих пор пылятся в библиотеках и архивах. Представители общественности даже диссертации писать ленились раньше и ленятся до сих пор.

Второй случай более трагичен. Мы все могли его наблюдать, а автор этой статьи даже лично соучаствовал в нем, занимаясь алгоритмизацией бухгалтерских задач. В начале 60-х годов теперь уже прошлого века началась хроническая нехватка товаров. Вместо того чтобы отменить нормирование цен, чиновники всех уровней пришли к выводу, что вся беда в том, что торговля не знает истинных потребностей населения и нужно изучение потребительского спроса и автоматическое управление запасами. И вместо простого и естественного решения сверхогромные средства были вложены в сети АСУ. Была получена огромная информация, но она не имела ни малейшего практического значения. (Простые люди смеялись, говоря, что икры нет в магазинах потому, что спроса на нее нет.) Это решение, подрывая экономические ресурсы общества, в конечном счете стало одной из причин гибели СССР.

Общество и его статистика

Теперь самое время вспомнить, что же общество может получить от статистики или какая статистика ему нужна. Но, прежде всего, постараемся представить, что такое общество. В основе современного понимания – две трактовки, которые принадлежат двум великим ученым. Юрист Х. Кельзен (1881–1973) считал, что общество возникает там, где существуют нормы, регулирующие отношения между людьми; экономист и социолог О. Шпанн (1878–1950) утверждал, что общество представляет собой целостное выражение психологических процессов составляющих его индивидов¹⁶. В первом случае общество распадается на соподчиненные страты, во втором оно рассматривается как психологическое единство, что в определенной степени оправдывает учение А. Кетле (1796–1874) о среднем человеке.

Особенность нашего случая в том, что понятие «общество» в русском языке достаточно новое, его нет в дореволюционных энциклопедиях, где речь идет об *обществах* приверженцев каких-то общих целей: например, общество любителей русской словесности, общество собаководов и т. д. Но в современном смысле слово «общество» можно найти во всех трех изданиях Большой советской энциклопедии, в последнем из которых оно определяется как «совокупность сложившихся форм совместной деятельности людей»¹⁷.

Всем людям, составляющим общество, как правило, свойственно забывать некоторые социальные и почти полностью игнорировать психологические проблемы тех, кто принадлежит обществу. Поэтому, когда мы говорим, какая статистика нужна обществу,

то речь должна идти о том, какая статистика нужна разным группам населения, каждая из которых имеет свои материальные интересы и свою апперцепцию (возможность понимания проблем, с которыми они, люди, сталкиваются). Отсюда возникают совершенно разные концепции. Они формируют через статистику новое понимание мира, преобразуют его. Статистические совокупности, созданные группировками, и рассчитанные по ним средние и относительные величины подобно рентгеновским снимкам раскрывают внутренний, скрытый от глаз механизм общественных явлений. Самой яркой такой концепцией была идея среднего человека А. Кетле. (Представители интеллигенции до сих пор не решили, это социальная данность или социальное заблуждение.) Отец современной статистики шел от Тертуллиана (160–220), который писал: «Наследственная передача души включает в себя наследственную передачу греха»¹⁸. Естественно, что у нас сначала в условиях «диктатуры марксизма», а теперь в условиях интеллектуальной апатии доктрина среднего человека оказалась изъятой из статистического оборота. Между прочим, этому способствуют и идеи политкорректности, занявшие решающее место в западноевропейском обществе и диктующие поведение и нашим обществоведам и политикам.

И тут мы снова должны вернуться к проблеме достоверности и сделать главный практический вывод: статистик в целях добросовестного получения достоверной информации должен использовать не старые философские приемы баденской школы неокантианства, которые так любили русские интеллигенты начала XX в.¹⁹, например, А. А. Чупров (1874–1926), а использовать как современные методы аналитической философии, так и достижения французской школы, прежде всего Жака Дерриды (р. 1930) и его приемы *деконструкции* текста. Одним из следствий этих приемов надо считать то, что можно и должно исчислить любой показатель минимум в двух значениях. На самом деле логически равноценных показателей может быть значительно больше (в пределе ∞) и у каждого статистика есть две цели: 1) дать исчерпывающий перечень логически равноценных формул для исчисления показателя и 2) продемонстрировать, как значения этих показателей интересуют различные общественные группы. Это и есть добросовестность, ибо показывается репертуар возможностей и состав пользователей, делающих свой выбор из реальных показателей в потенциально предполагаемые. Каждая группа считает, что она хорошая, а все другие плохие, аморальные, глупые и злые. Общество живет мифами. Лучший пример: мы были свидетелями и участниками построения коммунизма. И многие слои общества верили в него. Иногда это объясняют очень упрощенно. Знаменитый комментатор М. Веллер пишет, что «большинство людей идиоты и живут чужими непрожеванными мыслями»²⁰. Сказано зло, но не совсем справедливо, ибо дело не в дураках, а прежде всего в интересах. Отсюда для жизни важны квалифицированные специалисты-статистики, и ни в коем случае в нашей науке не должно быть авторитетов.

Опасность статистики в том, что статистик всегда соучаствует в получении *своих* чисел, он, статистик, одновременно и артист, делающий выбор и творящий на сцене спектакль, и он же зритель, пользователь творческой радости. Как артист он формирует совокупности, исчисляет фейерверк показателей и действительно делает активный выбор, а как зритель он довольно спокойно рассказывает всем о добросовестном поведении и достоверном искусстве²¹.

Все сказанное позволяет определить статистику как набор добросовестно составленных достоверных показателей, из которых государство и общество получают представление о проделанных усилиях и событиях, имевших место ранее. И это очень полезное

представление, если, конечно, информация была добросовестно сформирована и представлена в достоверной форме. Показатели смыслообразуют прошлое, но их смысл должен быть обращен в будущее.

Итоги

Заканчивая статью, необходимо сделать несколько печальных выводов: 1) статистик сочиняет множество показателей; 2) это связано с тем, что обществу нужна не достоверная добросовестная статистика, а информации, которые отдельные группы людей используют во внутрigrупповой и междугрупповой борьбе друг с другом, при этом каждая группа отстаивает свою методологию как дающую единственно достоверный результат, ибо «тмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»; 3) статистические материалы всегда будут предметом разногласий. Это хорошо. Но плохо то, что ее используют люди сильные. Так, перефразируя М. М. Зощенко (1895–1958), можно сказать, что статистика превращается в средство мобилизации то тех, то этих, для решения то того, то другого. И хороши только впечатляющие числа или о росте благосостояния или о всеобщей нищете. Так рождается нищета статистики. И чтобы ее преодолеть нужно: а) добросовестно рассматривать все возможные решения и б) понимать, интересам каких групп общества эти решения отвечают. Это и будет добросовестность в лучшем понимании данного слова.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2006. С. 173,165. – Но честное выполнение обязанностей с неизбежностью вносит в статистические показатели частицу менталитета самого статистика.

² Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. С. 124.

³ Вестник статистики. 2007. № 12. С. 34. – Здесь не принимаются во внимание два разных момента: 1) рост капитализации собственности предпринимателей и 2) увеличение выручки от продажи товаров и услуг. В первом случае собственники пожинаяют плоды укрепления конъюнктуры (растет стоимость акций и, следовательно, компании), во втором – спрос на ценности обеспечивает прирост денежных поступлений.

⁴ Гносеологическая причина этого явления была сформулирована Ш. Сеньобосом (1854–1942): «Законы разума, – писал он, – отличны от законов реальности. Реальность непрерывна. Разум схватывает только ее фрагменты... Чтобы разум познал реальность, необходимо адаптировать реальность к потребностям разума» (цит. по: Копосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001. С. 272). Современный философ эту же мысль формулирует так: «...истинность научной теории не совпадает с независимой от теории действительностью» (Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски. СПб., 2006. С. 245). В нашем случае реальность, действительность – это и есть достоверность, и отсюда следует, что разум, создающий теории, может работать самым добросовестным образом, но это не значит, что достоверность будет достигнута.

⁵ Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 181–201.

⁶ Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. М., 2001. С. 13.

⁷ Эко У. Парадоксы интерпретации. Минск, 2000. С. 86.

⁸ Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М., 2000. С. 197.

⁹ Джентиле Дж. Введение в философию. СПб., 2000. С. 196.

¹⁰ Цит. по: Гарин И. Что такое философия? М., 2001. С. 157.

¹¹ Между прочим, это хорошо объясняет феномен 22 июня 1941 г. Достоверная и добросовестная информация, которой располагало руководство СССР, показывала, что Красная армия по личному составу превосходила немецкую в 2,1 раза, по артиллерии в 2,4 раза, по танкам в 8,7 раз и по авиации в 4,4 раза (Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 201–208). Эти числа успокаивали и вселяли уверенность. Но на деле не были учтены главные обстоятельства: умение *управлять* ресурсами. И тогда лучшая статистика оказывается или бесполезной, или даже вредной.

¹² Рассел Б. Словарь разума, материи, морали. СПб., 1996. С. 49.

¹³ Цит. по: Майстров Л. Е. Теория вероятностей. М., 1967. С. 81.

¹⁴ Очень характерно высказывался Р. Лизнье (р. 1907): «Считать – конечно, считать надо. Но прежде хорошо бы понять, что мы будем считать» (цит. по: Копосов Н. Е. Указ. соч. С. 67).

¹⁵ Цит. по: *Пятицын Б. Н.* Философские проблемы вероятностных и статистических методов. М., 1976. С. 307.

¹⁶ Цит. по: *Билимович А. Д.* Труды. Росток; СПб., 2007. С. 174–175.

¹⁷ Общество. Большая советская энциклопедия: 3-е изд. М., 1974. Т. 18. С. 248.

¹⁸ Цит. по: *Беркхов Л.* История христианских доктрин. Библия для всех. СПб., 2000. С. 140.

¹⁹ Так, цель науки по *Г. Риккерт* (1863–1936) – образование понятий. Б. В. Яковенко (1884–1949) это сформулировал так: «... *удаление* от бесконечно многообразной, непосредственно данной действительности» (*Яковенко Б. В.* Мошь философии. СПб., 2000. С. 570).

²⁰ *Веллер М. И.* Кассандра. СПб., 2003. С. 193.

²¹ То есть статистики сами, как, может быть, и все ученые, создают объекты своей науки. Л. Февр (1878–1956) хорошо заметил: «Наши ученые все больше склонны определять науку как творчество, они представляют ее как “создательницу своих объектов” и отмечают в ней постоянное вмешательство ученого, его воли и его действий» (цит. по: *Копосов Н. Е.* Указ. соч. С. 277).

Статья поступила в редакцию 19 мая 2008 г.